

К вопросу о государственности степной империи

А.Г. Палкин, к.ю.н., Институт степи УрО РАН

Для современного государствоведения как отрасли юридической науки актуальной темой является изучение феномена степной, или кочевой, империи, формулировка её определения, классификация её видов, разрешение вопроса о соотношении её с институтом государства.

В истории человечества важную роль сыграли кочевники. Они способствовали освоению мирового пространства, распространению различного рода инноваций, внесли свой вклад в сокровищницу мировой культуры, в этническую историю народов Старого Света.

Хронологически первыми евразийские просторы населяли охотники-земледельцы, параллельно сочетавшие эти две формы хозяйственной деятельности. Учёные отмечают две волны существенного изменения климата в данном регионе. «Если первый приступ засухи застал в Евразии человек-охотник, то вторую волну встретили уже осёдлый земледelec и скотовод» [1]. В результате преодоления вызова степи часть евразийцев-земледельцев в поисках лучших условий существования бросилась в скитания, а другая их часть — скотоводы, достойно ответив вызову природы, приспособились к новым условиям жизни. Так зародилась цивилизация кочевников, выработавшая собственный внутренний механизм антропогеосистемы, сущность которой заключалась в гармоничном развитии её звеньев, коэволюции общества и природы.

При этом нужно учесть факт наличия также представителей других этносов, ведущих кочевой образ жизни, заселяющих 20% суши земли в 30 странах мира, общим количеством на сегодня насчитывающих около 40 млн человек. Современная наука располагает пятью вариантами обозначения локальных кочевых мегацивилизаций, различающихся составом стада, подвидами хозяйственной специализации, типами кочевания, материальной культурой, формами и степенью развития социальной организации, нормативами и образом жизни. «Кочевников евразийских степей можно назвать условно коневодами, североафриканских и переднеазиатских номадов — верблюдоводами, высокогорных скотоводов Тибета — яководами, Анд — ламоводами, животноводов Южной Африки — коровопасами и, наконец, народы североазиатской тундры — оленеводами» [2]. И только в первых двух вариантах учёные отмечают распространение всадничества, обусловившего военную активность кочевников и возникновение особой формы правления — военной демократии.

Наиболее заметный след в истории оставили так называемые «степные империи» (или коче-

вые) — самые крупные политические образования номадов, объединявшие на непродолжительное время гигантские территории и приводившие в ужас соседей-земледельцев.

Степную (или кочевую) империю можно определить как кочевое общество, организованное по военно-иерархическому принципу, занимающее относительно большое пространство и получающее необходимые нескотоводческие ресурсы, как правило, посредством внешней эксплуатации (грабежей, войн и контрибуций, вымогания «подарков», неэквивалентной торговли, данничества и т.д.) [3, 4].

Существуют три модели степных империй: 1) типичные — кочевники и земледельцы сосуществуют на расстоянии; получение прибавочного продукта номадами осуществляется посредством дистанционной эксплуатации: набеги, вымогание «подарков», по сути, рэкет и т.д. (хунну, сяньби, тюрки, уйгуры, первое Скифское царство и др.); 2) даннические — земледельцы зависят от кочевников; форма эксплуатации — данничество (Хазарский каганат, империя Ляо, Золотая Орда, Юань и др.); 3) завоевательные — номады завоёвывают земледельческое общество и переселяются на его территорию (Парфия, Кушанское царство, поздняя Скифия и др.). На смену грабежам и данничеству приходит регулярное налогообложение земледельцев и горожан [3].

Важный вопрос: можно ли квалифицировать степную империю как государство? Этот вопрос до сих пор обсуждается исследователями разных стран.

В современной науке существуют две наиболее популярные группы теорий, объясняющие процесс происхождения и сущность раннего государства. Конфликтные, или контрольные, теории показывают происхождение государственности и её внутреннюю природу с позиции отношений эксплуатации, классовой борьбы, войны и межэтнического доминирования. Интегративные, или управленческие (функциональные), теории ориентированы главным образом на то, чтобы объяснить феномен государства как более высокую стадию экономической и общественной интеграции.

Вместе с тем ни одна из данных теорий не даёт оснований считать, что государственность была для кочевников внутренне необходимой. Все основные экономические процессы в скотоводческом обществе осуществлялись в рамках отдельных домохозяйств. По этой причине необходимости в специализированном бюрократическом аппарате, занимающемся управленческой деятельностью, не было. В то же время все социальные противоречия между номадами разрешались в рамках традиционных институтов поддержания внутренней

политической стабильности. Сильное давление на кочевников могло привести к откочёвке или применению ответного насилия, поскольку каждый свободный номад являлся одновременно и воином.

Важно отметить, что необходимость в объединении и создании централизованной иерархии у степняков возникала только в случае войн за источники существования, для организации грабежей соседей-земледельцев или экспансии на их территорию, при установлении контроля над торговыми путями. В данной ситуации формирование сложной политической организации кочевников в форме «степных (или кочевых) империй» есть одновременно и продукт интеграции, и следствие конфликта (между номадами и земледельцами). Кочевники-скотоводы выступали в данной ситуации как «класс-этнос» и специфическая «ксеннократическая» политическая система. Образно можно сказать, что они представляли собой нечто вроде «надстройки» над оседло-земледельческим «базисом» [2, 3]. С этой точки зрения создание «степных (или кочевых) империй» — частный случай популярной в своё время «завоевательной» теории политогенеза, согласно которой война и завоевание являются предпосылками для последующего закрепления неравенства и стратификации.

Однако ни с точки зрения конфликтного, ни с точки зрения интегративного походов большинство степных империй не может быть однозначно интерпретировано ни как вождество, ни как государство. Подобие степных империй государству ярко проявляется только в отношениях с внешним миром (военно-иерархическая структура номадного общества для изъятия престижных продуктов и товаров у соседей, а также для сдерживания внешнего давления; международный суверенитет, специфический церемониал во внешнеполитических отношениях).

Одновременно во внутренних отношениях «государствозподобные» империи номадов (за исключением некоторых вполне объяснимых случаев) основаны на ненасильственных (консенсуальных и дарообменных) связях. Они существовали за счёт внешних источников без установления налогообложения скотоводов.

Важным показателем является тот факт, что в степных империях отсутствовал главный признак государственности. Согласно многим современным теориям политогенеза, главным отличием догосударственных структур от государственности является то, что правитель вождества обладает лишь консенсуальной властью, т.е., по сути, авторитетом, тогда как в государстве правительство может осуществлять санкции с помощью легитимизированного насилия [6, 7]. Характер власти правителей степных империй более консенсуальный, лишённый монополии на легитимный аппарат принуждения. Шаньюй, хан или каган является главным образом редистрибутором, его мощь держится на

личных способностях и умении получать извне общества престижные товары и перераспределять их между подданными.

Для дефиниции таких обществ, более многочисленных и структурно развитых, чем сложные вождества, но в то же самое время не являющихся государствами (даже «зачаточными» ранними государствами), был предложен термин «суперсложное вождество» [3].

Степная империя как суперсложное вождество — это уже реальная модель, прообраз раннего государства. Если численность населения в сложных вождествах — порядка десятков тысяч человек [8], и они, как правило, этнически гомогенны, то численность полиэтнического населения суперсложного вождества составляет многие сотни тысяч человек и даже больше (степные империи Внутренней Азии состояли из 1–1,5 млн пасторальных номадов), их территория (кочевникам нужно много земли для пастбищ!) была в несколько порядков раз больше площади, необходимой для простых и сложных вождеств.

Не случайно, что с точки зрения соседних земледельческих цивилизаций (развитых доиндустриальных государств) такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко рассматриваемые как равные по статусу политии (китайцы называли их го). Данные вождества имели сложную систему титулатуры вождей и функционеров, вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с членами элиты земледельческих государств, соседних степных империй и «квазиимперских» политий номадов.

Для таких степных империй характерны зачатки урбанистического строительства (уже хунну стали воздвигать городища, а ставки империй уйгуров и монголов представляли собой настоящие города), возведение пышных усыпальниц и заупокойных храмов представителям степной элиты (Пазырыкские курганы на Алтае, скифские курганы в Причерноморье, хуннские захоронения в Ноин-Уле, курганы сакского времени в Казахстане, изваяния, поставленные тюркским и уйгурским каганам в Монголии). В части суперсложных вождеств кочевников элита пыталась вводить зачатки делопроизводства (хунну), в других — существовала записанная в рунах эпическая история собственного народа (тюрки), а некоторые из типичных кочевых империй (в первую очередь Монгольскую державу первых десятилетий XIII в.) есть прямой соблазн назвать государством. Об этом, в частности, свидетельствует упоминание в «Тайной истории монголов» системы законов (Яса), судебных органов власти, письменного делопроизводства и законодательства (так называемая «Синяя тетрадь» Коко — Дефтер-Бичик), попытки введения налогообложения при Угэдэе [5].

Таким образом, феномен степных, или кочевых, империй должен быть рассмотрен как специфический вариант социокультурной и экологической адаптации кочующего населения в рамках единой традиционно-аграрной стадии цивилизации. Дальнейшее развитие юридической и исторической мысли позволит нам определить новые направления, открыть исследовательские горизонты и её альтернативные пути в изучении процесса усложнения, дифференциации и развития социально-политических структур кочевых образований.

Литература

1. Тойнби А. Постигение истории. М.: Прогресс, 1991.
2. Крадин Н.Н. Кочевничество в цивилизационном и формационном развитии // Цивилизации. Вып. 3. М.: Наука, 1995. С. 154–179.
3. Крадин Н.Н. Кочевые общества. Владивосток: Дальнаука, 1992.
4. Крадин Н.Н. Империя Хунну. Владивосток: Дальнаука, 1996.
5. Крадин Н.Н. Трансформация политической системы от вождества к государству: монгольский пример, 1180(?) – 1206 // Альтернативные пути к ранней государственности / отв. ред. Н.Н. Крадин и В.А. Лынша. Владивосток, 1995. С. 188–198.
6. Claessen H.J.M., Skalnik P. The Early State. The Hague: Mouton, 1978.
7. Service E. Origins of the State and Civilization. N. Y.: Norton, 1975.
8. Johnson A.W., Earle T. The Evolution of Human Societies: From Foraging Groups to Agrarian State. Stanford: Stanford University Press. 1987.